

DOI: 10.31857/S013038640019547-9

© 2022 г. Г.Ф. МАТВЕЕВ, Е.Ю. МАТВЕЕВА

МЕЖДУ КЕМ СОБИРАЛСЯ БАЛАНСИРОВАТЬ И БАЛАНСИРОВАЛИ ЛИ ВООБЩЕ Ю. ПИЛСУДСКИЙ В 1926–1935 годах

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: gmatveev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Матвеева Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: len.mat2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6716-3697

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

Аннотация. Опубликованная в 2021 г. монография польского исследователя К. Рака «Пилсудский между Сталиным и Гитлером» не может не заинтересовать специалистов по истории международных отношений в межвоенный период. Хотя бы в силу анализируемой в ней проблематики не двух-, а трехсторонних отношений, масштаба хронологического охвата (1924–1935 гг.), богатейшей источниковой основы, представленной материалами из архивов Германии, Польши и России и публикациями документов, использования обширной литературы, в том числе на русском языке. Наш критический разбор не претендует на показ всего разнообразия поставленных или затронутых в работе вопросов, наша задача иная: дать представление о состоянии прежде всего польской историографии таких знаковых для международных отношений межвоенного периода событий, как Локарнские соглашения 1925 г., советско-польский договор о ненападении 1932 г. и польско-германская декларация о неприменении силы 1934 г., польская политика балансирования. Работа К. Рака не историографическая, а сугубо исследовательская, в ней много новых интересных фактов, наблюдений, утверждений и гипотез, с которыми можно полемизировать, но нельзя просто отбросить. Демонстрируя новаторский подход к анализу ряда вопросов, Рак в своих построениях не всегда свободен от влияния стереотипов, особенно когда это касается таких вопросов, как угрожающий для Польши характер советско-германского соглашения 1922 г. в Рапалло, объяснение причин длительного нежелания Польши реагировать на советское предложение заключить договор о ненападении, подмена этими стереотипами научных доказательств, при этом его выводы в должной степени обоснованы, хоть и не всегда бесспорны.

Ключевые слова: К. Рак, международные отношения, Локарнские договоры 1925 г., Польша, Германия, СССР, Франция, внешняя политика, историография, Ю. Пилсудский, международные договоры, Версальская система международных отношений.

G.F. Matveev, E.Yu. Matveeva

Who Was J. Piłsudski Going to Balance Between and Did He Balance in Fact in 1926–1935

Gennadij Matveev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: gformatveev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Elena Matveeva, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: len.mat2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6716-3697

The reported study was funded by RFBR and the National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project № 20-59-18007.

Abstract. The monograph “Piłsudski Between Stalin and Hitler” by the Polish researcher Krzysztof Rak published in 2021 cannot but interest specialists in the history of international relations in the interwar period, not least because of its analysis of tripartite rather than bilateral relations, its chronological scope (1924–1935), the wealth of source material from German, Polish and Russian archives, and the extensive bibliography, including works in Russian. Our critical analysis does not purport to show the diversity of the issues raised or addressed in the book. Our task is a different one: to provide an insight into the state of Polish historiography, first and foremost, of such landmark events in international relations of the interwar period as the 1925 Locarno Treaties, the 1932 Soviet–Polish Non-Aggression Pact, the 1934 Polish–German declaration of non-aggression, and the Polish policy of balancing. Yet Rak’s book is not a historiographical one, but is purely research-oriented, containing many new and intriguing facts, observations, assertions, and hypotheses, which can be debated, but cannot be dismissed. While demonstrating an innovative approach to the analysis of a number of issues, Rak is not always free of stereotypes, especially when it comes to matters such as the threat to Poland posed by the 1922 Soviet–German Treaty of Rapallo, the explanation of Polish longstanding reluctance to respond to the Soviet proposal for a non-aggression treaty, the substitution of scholarly evidence for these stereotypes, yet his conclusions are well grounded, though not always incontrovertible.

Keywords: international relations, 1925 Locarno Treaties, Poland, Germany, USSR, France, foreign policy, historiography, Józef Piłsudski, international treaties, Versailles system of international relations.

В 2021 г. независимый польский исследователь Кшиштоф Рак опубликовал монографию «Пилсудский между Сталиным и Гитлером», не оставшуюся незамеченной в Польше уже хотя бы в силу вынесенных на обложку книги фамилий трех политиков, сыгравших судьбоносную роль в судьбе поляков в первой половине XX в. Это не первая работа К. Рака, в 2019 г. из печати вышла его книга «Польша – несостоявшийся союзник Гитлера»¹. Анализируемый объемный труд К. Рака, насчитывающий около 1000 страниц текста, хронологически охватывает период от преддверия Локарно до начала 1935 г. Он затрагивает множество сюжетов, каждый из которых тянет на самостоятельное исследование. В центре внимания автора – взаимоотношения в треугольнике Варшава – Берлин – Москва, но немало места занимает и анализ французского фактора в польской внешней политике.

Задача исследования обозначена предельно кратко: «Описать историю трех несостоявшихся союзов: советско-германского (1924–1925 гг.), польско-советского (1933–1934 гг.) и польско-германского (1933–1935 гг.)»². Сразу поясним, что в двух последних случаях К. Рак имеет

¹ Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019.

² Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021. S. 12–13 (далее ссылки на эту книгу даются в тексте).

в виду вовсе не хорошо изученные советско-польский пакт о ненападении 1932 г. и польско-германскую декларацию о неприменении силы, а именно проекты союзов, о чем особенно в нашей историографии есть скорее лишь упоминания, чем серьезные исследования.

Несомненное достоинство труда К. Рака — источниковая база. Ее составили как новые документы из архивов Польши, Германии и США, так и основные публикации архивных материалов, появившиеся в Польше и России в последние десятилетия как на бумажных, так и электронных носителях. Это тысячи листов документов, до сих пор ждущие своих исследователей. Не пренебрег автор и хорошо известными изданиями документов. Весьма полно использована литература предмета на польском, немецком, русском, английском, французском языках. При этом, что встречается крайне редко у зарубежных авторов, сноски на русскоязычную литературу и источники даются на кириллице. Мы не случайно обращаем на это внимание, поскольку современные польские исследователи далеко не всегда знают кириллицу, из-за чего испытывают трудности с поиском русскоязычных публикаций. Важно и то, что К. Рак предпочитает пространно цитировать, а не пересказывать источники. Из-за этого работа временами напоминает хрестоматию, но это отнюдь не недостаток, особенно сейчас, когда доступность зарубежных архивов ограничена.

Несомненное достоинство работы и в том, что Рак анализирует трехсторонние, а не как это обычно делается, двусторонние отношения. Один из авторов статьи руководил диссертантами, работавшими в аналогичном ключе³, поэтому представляет возможности и сложности такого подхода. Достаточно сказать, что масштабность исследования обусловила его ограничение лишь сферой политических отношений, из-за чего экономические, военные и другие не менее важные для внешней политики факторы иногда лишь обозначаются.

Структурно книга построена в расчете на коммерческий успех. Название только первой из ее четырех частей, «От Локарно до Берлина», звучит почти научно. А вот заголовки трех остальных частей: «Пилсудский», «Сталин», «Гитлер», как и 35 глав, на которые делится монография, заинтриговывают. Например, глава 17 «Сталин заканчивает партию» или 34 — «Пилсудский пытается вознаградить Сталина за соглашение с Гитлером». При этом по своему содержанию — это строго научная работа.

Избранный нами жанр ознакомления российской аудитории с монографией К. Рака не предусматривает скрупулезного показа всех ее сильных и слабых мест. Вместо этого мы решили на ее примере показать, как работают хорошие современные польские историки.

Монография начинается с сюжета, достаточно традиционного для польской историографии, — внешней политики II Речи Посполитой и международных отношений в первой половине 1920-х годов. Это Локарно, формально понимаемое как совокупность действий и соглашений великих держав с целью ревизии западноевропейского сегмента Версальской системы безопасности путем интеграции в нее Германии. Хорошо известно, что Локарно затронуло, хотя и не прямо, и восточноевропейский сегмент Версальской системы, прежде всего Польшу и Чехословакию. Их безопасность до октября 1925 г. базировалась не на решениях Лиги Наций, а на военно-политических союзах с Францией, направленных против Германии. В Локарно вопросы их безопасности перепоручили Лиге Наций и международному арбитражу. Если до 1925 г. Франция имела возможность оказать прямую помощь прийти на помощь Польше и Чехословакии в случае нападения на них Германии, то после 1925 г. при возникновении подобной коллизии Франция оказывалась бы в состоянии конфликта с гарантами Рейнского пакта Великобританией и Италией. После Локарно более или менее устоявшийся региональный миропорядок терял устойчивость, на первый план вновь выступала задача обеспечения безопасности Восточной Европы.

³ О продуктивности такого подхода свидетельствуют, к примеру, монографии М.С. Павловой «Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах». (М., 2016) и Д.А. Коротковой «Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг.» (М., 2019).

История поиска польским руководством формулы безопасности для Польши и Восточной Европы в постлокарнском мире и составляет основное содержание труда К. Рака. Для этого недостаточно было союза с Чехословакией или государствами Прибалтики, поскольку они, равно как и Польша, самостоятельной роли в европейской политике не играли. Примечательно, что Рак пытается не завышать статус Польши в мировом рейтинге стран, неоднократно указывая, что согласно критериям державности Польша с трудом могла претендовать на статус даже среднего государства. Это достаточно нетрадиционная для польской историографии и публицистики позиция, как и игнорирование К. Раком насаждаемого в польской историографии мифа о существовании в Восточной Европе Версальско-Рижской системы безопасности, стержнем которой считается Польша. Поэтому у II Речи Посполитой оставались две возможности: или полностью положиться на Францию, как это сделала Чехословакия, или же менять к лучшему отношения с Советским Союзом и Германией, для которых Восточная Европа также была жизненно важным регионом.

К. Рак, в отличие от предыдущей своей работы о германо-польских отношениях, на этот раз больше внимания уделяет польско-советским и советско-германским отношениям. Автор исходит из того, что локарнский поворот в европейских отношениях таил угрозу не только Польше, но и СССР. Ведь по замыслу Лондона и Парижа, полагает Рак, одним из последствий Локарно должно было стать ухудшение отношений Берлина с Москвой и, возможно, даже полная международная изоляция Советского Союза (с. 26). Несомненно, Локарно беспокоило советское руководство, но вряд ли оно в 1925 г. опасалось международной изоляции. На тот момент Москва установила дипломатические отношения со всеми крупными государствами Европы, и ничто не предвещало их разрыва. Реальная опасность для нее возникла бы лишь в том случае, если бы Германия, вступая в Лигу Наций, безоговорочно признала ст. 16 ее Статута, предусматривавшую солидарное противодействие «всякой специальной мере», направленной против одного из членов организации. Ибо в этом случае она должна будет или принять участие в совместной с другими членами Лиги акции, или пропустить через свою территорию их войска. Иначе говоря, Германия перестала бы служить препятствием для агрессии Запада против СССР, которую в Кремле считали в высокой степени вероятной. К тому же Локарно могло иметь негативные последствия для СССР в сфере не только политики, но и экономики. Гарантийный договор в совокупности с планом Дауэса облегли бремя репарационных платежей для Германии и тем самым могли уменьшить ее заинтересованность в торговле с Советским Союзом. На такой вывод Москву могли натолкнуть трудности, с которыми ей приходилось сталкиваться в ходе проходивших в 1925 г. советско-германских переговоров о торговом договоре. К сожалению, этот сюжет в советско-германских отношениях Рак не затронул⁴.

Среди возможных негативных последствий для СССР готовившегося Францией, Великобританией и Германией гарантийного договора К. Рак особо выделяет то, что договор подрывал «дух Рапалло» в советско-германских отношениях. Для него Рапалло — это «символ взаимодействия, угрожавшего народам и государствам Центральной и Восточной Европы в XX веке». Заявление более чем сомнительное, если учесть, что Германия в 1922 г. была предельно ослабленным победителями демократическим государством, не способным отстоять собственный территориальный суверенитет. Никаких аргументов в пользу своего утверждения Рак не приводит. Вряд ли таковым можно считать использованное К. Раком типичное *highly likely*: «хотя он (договор. — Г.М.) и не содержал секретных постановлений, он вне всякого сомнения косвенным образом создавал основу для тайных германо-советских отношений на военной почве. Хотя соглашение и было направлено против Польши, Берлин, несмотря на усилия советской стороны, не намеревался заключать с Москвой ни военного союза, ни формальных соглашений, целью которых были бы совместные действия против Варшавы» (с. 27). Если вспомнить, что Польша в 1921 г. заключила политический договор и военную

⁴ Матвеева Е.Ю., Матвеев Г.Ф. Советский Союз и подготовка Локарнских соглашений 1925 года (по материалам советских официозов «Известия» и «Правда») // Polska i Niemcy. Od odzyskania niepodległości do Rapallo i Lokarno 1918/1922 — 1926/1934. Warszawa, 2020. S. 51–70.

конвенцию с Румынией, прямо направленные против советских республик, и в том же году аналогичные соглашения с Францией против Германии, то это просто нелепый аргумент.

Столь же неубедительно объяснение К. Раком причин отказа Польши от советского предложения заключить пакт о ненападении. В условиях фактического отказа Франции в Локарно от предоставления прямой военной помощи Польше в ее эвентуальном вооруженном конфликте с Германией такой договор был выгоден Варшаве хотя бы потому, что подтверждал незыблемость ее границы с СССР и позволял сконцентрировать внимание на границе с Германией. Оказывается, полагает К. Рак, этому мешал «ревизионизм» СССР. Если принять во внимание, что до сентября 1939 г. Москва ни разу официально не ставила под сомнение окончательный характер советско-польской границы, то отстоять этот тезис практически невозможно. Вряд ли таковым аргументом, вслед за К. Раком, можно считать слова советского полпреда в Лондоне Х.Г. Раковского в 1924 г. о несправедливом территориальном устройстве, возникшем на основании Версальского и связанных с ним договоров, а также о готовности СССР добиваться и реализовать путем долгосрочных дипломатических усилий политику пересмотра государственных границ на этнографической основе с применением плебисцита во всех случаях, когда это будет необходимо. Ведь слова Раковского ни в чем не противоречили ст. 19 Статута Лиги Наций, предусматривавшей, что «Собрание может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир». К тому же Раковский говорил о границах в Европе вообще, а не о советских границах, ни одна из которых не была установлена на Парижской мирной конференции.

И еще одной причиной, объясняющей нежелание Варшавы в 1924–1926 гг. рассматривать Москву в качестве партнера в деле создания системы безопасности в Восточной Европе, К. Рак называет то, что стратегической целью СССР было революционизирование Польши и включение ее в качестве «советской республики» в свой состав. Это типичное для польской историографии смешение внешней политики Советского Союза с пропагандой Коминтерна. На самом деле советская внешняя политика с марта 1919 г. служила не идее мировой революции, а государственным интересам Советской России⁵.

Показательно, что положением о ревизионизме СССР и мировой революции как его стратегической цели Рак активно оперирует только в первой части монографии, а в последующих частях вспоминает их все реже, а вместо этого анализирует советскую внешнюю политику исключительно с позиций государственных интересов Советского Союза, т.е. аналогично тому, как польские или французские внешнеполитические действия. Чем можно объяснить такую «забывчивость» польского исследователя? Скорее всего разницей во внешней политике Польши до и после государственного переворота 1926 г. Если в период подготовки и подписания Локарнских договоров, когда эту политику практически единолично проводил А. Скиншинский, она была чрезвычайно пассивной, то после мая 1926 г., когда у руля внешней политики встал Ю. Пилсудский, она заметно активизировалась. Причем активность развивалась по нарастающей как на советском, так и на германском направлении.

Второй сквозной проблемой в первой части монографии является история советско-германских отношений в 1924–1926 гг., точнее, до подписания сторонами 24 апреля 1926 г. Берлинского договора о нейтралитете и ненападении. И в этом сюжете К. Рак вновь вступил в противоречие с самим собой. Казалось бы, инициированное Англией и Францией возвращение Германии в группу великих держав на условиях выгодного для нее компромисса в вопросе о границах должно было еще больше сблизить Берлин с Москвой на антипольской

⁵ См., например: *Матвеев Г.Ф.* Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Многоликий и беспокойный славянский мир: научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисёнка, М., 2018; *Его же.* «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Труды исторического факультета МГУ. Серия II. Исторические исследования. Т. 1. Вып. 108 (60). М., 2019. С. 414–428.

основе. На самом же деле, и это отметил К. Рак, в конце 1924 г. обнаружилось расхождение внешнеполитических приоритетов СССР и Германии. Берлин интересовала не новая формула германо-советского политического взаимодействия, а прочное соглашение с Парижем и Лондоном, чтобы «тем самым определить свой западный вектор, а затем согласовать с ним восточный вектор» (с. 51). А Москву интересовало азиатское направление. Из-за этого несовпадения приоритетов СССР в поисках партнера против Великобритании был не против сближения с Францией. И чтобы сделать ее более сговорчивой, был не прочь нормализовать отношения с Польшей с помощью пакта о ненападении и подтверждения незыблемости их общей границы.

Следует согласиться с К. Раком, что своеобразным тестом на глубину расхождений внешнеполитических приоритетов Москвы и Берлина стала негативная реакция немецкой дипломатии на неожиданное для нее предложение о союзе, которое 22 февраля 1925 г. германскому послу в Москве У. Брокдорф-Ранцау сделал председатель СНК СССР А.И. Рыков. Причем, как показалось послу, Рыков имел в виду и военный союз. В этом предложении странно все: и адресант с адресатом, и немедленное дезавуирование Г.В. Чичериным самой возможности подобного предложения, ведь Рыков, по словам наркома, был уполномочен только повторить его собственные предложения конца декабря 1924 г. Брокдорф-Ранцау о неучастии сторон во враждебных друг другу политических или экономических блоках и о координации усилий в вопросе вступления в Лигу Наций. К. Рак прав, когда делает вывод, что советская сторона, предлагая в 1925 г. Германии более тесное сотрудничество, старалась предотвратить будущую экспансию Германии на восток, которая угрожала бы ее интересам в Восточной Европе (с. 59). То есть объективно СССР мог быть если не союзником, то партнером Польши, чью позицию в противостоянии с Германией гарантийный договор существенно ослаблял, особенно что касалось порядка исполнения франко-польской военной конвенции 1921 г.

На вопрос о том, почему же Польша не согласилась на заключение пакта о ненападении, идею которого в 1925 г. очень активно продвигала советская дипломатия, Рак отвечает неожиданным образом. Оказывается, Скшиньского отпугивало вовсе не опасение, что Советский Союз революционизирует Польшу (а именно это он ранее назвал одним из мешавших сотрудничеству факторов), а убеждение, «что если Советы захотят изменить территориальное статус-кво [в Восточной Европе], то сделают это на границе не с Польшей, а с балтийскими государствами. Поэтому значение для него имело только многостороннее соглашение» (с. 105). В этом месте явно не хватает пространного авторского комментария причин немотивированного опасения польского министра. Но это не значит, что К. Рак не задумывается о мотивах, по которым Варшава отказывалась от выгодного ей в тот момент предложения Москвы. Научный, а не политизированный ответ он дает 28 страницами ниже. Оказывается, «польские политики опасались, что Советский Союз, стремясь с начала 20-х годов к заключению двусторонних политических договоров с соседними государствами на западе (так называемыми лимитрофами), стремится к созданию международной системы, конкурентной Версальской. Они полагали, что если бы Советы добились успеха в этом отношении, то в Центральной и Восточной Европе возникла бы система, в центре которой была бы Москва, постепенно подчиняющая себе в экономическом и политическом отношениях страны региона. Они опасались, что возникновение такого порядка де-факто не позволило бы Варшаве проводить самостоятельную региональную политику, что означало бы ее полное подчинение державам» (с. 133). Это очень интересное наблюдение, свидетельствующее, что польские руководители считали свою страну вовсе не малым или средним государством, как утверждает К. Рак, а державой, обладающей правом на обладание собственной политической периферией, а в СССР видели конкурента, а не источник революционной опасности. Именно это несовпадение ощущения великодержавности и реальной силы Польши, как справедливо отмечает К. Рак, подводя итоги Локарно для Польши, стало причиной крупнейшего поражения польской дипломатии в межвоенный период. Локарно показало, что «Польша не была равноправным партнером за столом переговоров для Франции, Великобритании и Италии, потому что не была европейской державой; даже трактовка ее как средней страны представляется

преувеличением, учитывая огромные хозяйственные, социальные и национальные проблемы. А проблемой Скшиньского было, конечно же, непонимание этого факта, что вело к чрезмерному оптимизму относительно позиции собственной страны и в отношении политики западных держав» (с. 179). Можно добавить, что это же непонимание вело к нежеланию принять руку, протянутую Москвой, которая также рассматривала Локарно как долговременную для себя угрозу.

В последних двух главах первой части речь идет, в частности, о значении советско-германского политического договора 1926 г. для каждого из участников треугольника. Автор монографии сделал несколько интересных наблюдений и выводов относительно целей договора и степени их достижения подписавшими его, а также о польской на него реакции. К чести автора, он не заикливается на доказательстве его преимущественно антипольского содержания, хотя и не отвергает до конца такой оценки.

Примерно в таком же ключе К. Рак рассматривает еще одну проблему. Общеизвестен факт, что пилсудчики, готовившие государственный переворот, вели с польскими коммунистами переговоры о его поддержке. Поэтому советское руководство о приближающемся государственном перевороте в Польше знало. Вопрос в том, был ли у Кремля расчет на то, что переворот откроет польским коммунистам дорогу к власти в своей стране, и это радикально изменит международное положение СССР. Несомненно, расчета не могло не быть. Но то, что он не оправдался, в Москве стало понятно уже через неделю после переворота, а 30 мая лидер германских коммунистов Э. Тельман, только что приехавший в Москву через Польшу, написал в «Известиях», что там произошел не мелкобуржуазный, а контрреволюционный переворот⁶. А это означало признание того, что российская ситуация 1917 г. не повторится. К тому же нет достоверных свидетельств подготовки СССР к военной поддержке коммунистического переворота в Польше. Закономерен вопрос, а зачем вообще К. Раку нужен этот сюжет? Ответ на него дан в последующих частях работы.

В целом первая часть книги, в центре внимания которой подготовка и заключение пакета Локарнских соглашений и их значение для Польши, Германии и СССР, получилась достаточно противоречивой. Свой анализ событий К. Рак строит на основании как достоверных источников, так и не подтвержденных репрезентативными источниками утверждений. Он обращается к ним, правда, реже и в последующих частях работы, и там они на фоне серьезного анализа смотрятся инородным телом.

Вторая часть работы «Пилсудский» начинается презентацией авторского видения перемен в польской внешней политике после государственного переворота в мае 1926 г., когда ее единоличным демиургом вплоть до своей кончины в мае 1935 г. стал Ю. Пилсудский. К. Рак не считает перемены поворотом, ибо цель внешней политики осталась прежней — сохранять статус-кво в Европе как главное условие безопасности Польши. Но Пилсудский отказался от прежнего курса послушного следования за западными державами и пошел на нормализацию отношений с Германией и СССР. В результате этого сутью внешней политики Варшавы, утверждает К. Рак, стало балансирование между Парижем, Лондоном, Берлином и Москвой, которое должно было в ближайшие годы привести к усилению позиции Польши в отношении каждой из этих четырех держав. В связи с этим сутью перемены К. Рак считает появление двух новых опций в польской внешней политике (с. 221). Это, несомненно, заявка на новый тезис — в историографии принято говорить о балансировании Варшавы между Берлином и Москвой. Правда, высказав этот тезис, К. Рак не счел нужным заняться его углубленным анализом, даже если он этого заслуживает. Хотя тезис сомнителен уже потому, что до мая 1926 г. Польша не балансировала между Парижем и Лондоном. Она, что К. Рак многократно признает, послушно следовала в фарватере французской политики, а последнюю до Локарно нельзя считать зависимой от Англии. К тому же в Польше Великобритания со времени Парижской мирной конференции воспринималась как не очень дружественная страна.

⁶ *Matwiejew G.F.* Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej // *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały.* T. XIII. Warszawa, 1976. S. 133–135.

Начало реализации перемены во внешней политике Польши К. Рак датирует 1926–1927 гг., когда маршал попытался нормализовать отношения с Германией и вроде бы даже был готов на некоторые уступки, естественно, не территориальные. Но Г. Штреземана не интересовали мелкие уступки поляков, он хотел решить все спорные проблемы (Данцигский коридор, Верхняя Силезия) одновременно в тот момент, когда Польша окажется в глубоком кризисе. И сделать это без применения силы, политическим путем, ведь Статут Лиги Наций такую возможность допускал.

Если датировать поворот 1926–1927 гг., то почему до начала 1930-х годов не наблюдалось подобной же польской активности на советском направлении? Ведь Москва предложила Варшаве заключить пакт о ненападении уже в 1926 г. К. Рак объясняет этот парадокс тремя причинами. Две из них вполне правдоподобны и были следствием опасения Пилсудского, что от пакта о ненападении СССР выиграет больше, чем Польша. Во-первых, как и Скиншинский, Пилсудский полагал, что в этом случае Москва может создать в Восточной Европе систему, альтернативную Версальской, на которой держалась безопасность Польши. Во-вторых, заключив договор, советское руководство будет меньше опасаться эвентуальной агрессии Запада, и это поспособствует наращиванию им военной мощи с целью подчинения себе Восточной Европы.

А вот третья причина явно из области *highly likely* (зато объясняет, зачем нужно было так много внимания уделять переговорам людей из окружения Пилсудского с польскими коммунистами в начале 1926 г.): возможно, Пилсудский опасался, что его политические противники узнают о его близких контактах 1926 г. с компартией Польши и огласят факт переговоров с представителями враждебного государства о поддержке готовившегося им государственного переворота. И это могло бы иметь для будущего лагеря санации некие невероятные последствия. Поэтому Пилсудский начал серьезные разговоры со Сталиным только после разгрома оппозиции осенью 1930 г. (с. 409)⁷. Никаких доказательств в пользу своей гипотезы Рак не приводит, потому что их не существует. А поскольку в третьей части монографии причиной перелома в тянувшемся пять лет процессе обсуждения пакта о ненападении он называет встревожившие Варшаву усилия Парижа сблизиться с Берлином и Москвой, то сомнения в третьей причине переходят в уверенность.

Истории заключения Варшавой и Москвой двустороннего пакта о ненападении 1932 г. посвящена третья часть монографии «Сталин». К. Рак серьезно обогащает историографию этой проблемы, привлекая новые источники и формулируя новые исследовательские гипотезы. Одна из таких гипотез касается якобы существовавших разногласий между Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД СССР по вопросу об отношениях с Польшей и Германией. К. Рак полагает, что НКВД продолжал ориентироваться на взаимодействие с Берлином, а Политбюро (т.е. Сталин) считало нужным расширить круг внешнеполитических партнеров, в том числе за счет Варшавы. Сталина, полагает Рак, к этому склоняло и демонстрировавшееся в 1931 г. Парижем намерение сблизиться с Берлином, что было одинаково опасно и для СССР, и для

⁷ К. Рак почему-то игнорирует цитируемое им самим объяснение неторопливости Варшавы в вопросе о пакте, данное польским военным атташе в Москве Я. Ковалевским, а оно заслуживает внимания: Пилсудский «советское предложение пакта в 1926 г. не считал искренним, потому что в то время, особенно в период пятилетки, Советы проводили такую интенсивную политику вооружений и такую пропагандистскую кампанию в стране, что никто не мог верить в искренность их мирных намерений. Подписание тогда пакта о ненападении создало бы нереальную, более того, ложную ситуацию, потому что он опирался бы только на одностороннюю волю. Маршал такую ситуацию не переносит, но уже с конца 1931 г. советское экономическое и внутреннее положение переживали столь сильный кризис, что маршал увидел в нем нужную ему реальную гарантию того, что СССР вести авантюрную войну с серьезным противником не в состоянии, и такое состояние продолжится какое-то время. С другой стороны, мы заинтересованы, чтобы ситуация в Советах не слишком ухудшилась, так как мог бы настать момент отчаянного шага à la известное “хлопнуть дверь” Троцкого. Эти два обстоятельства предопределили пакт. Это решение маршал принял именно потому, что вследствие снижения военного потенциала Советов по причине их внутренней ситуации появилась достаточно конкретная гарантия, что Советы будут соблюдать свою подпись» (с. 639).

Польша. Пилсудский же, видя эти попытки французов, а также их нежелание привлечь Варшаву в планируемую ось Париж — Берлин, также посчитал, что настал момент для реализации его идеи балансирования Польши между Францией, Германией и СССР (с. 523). Иначе говоря, для маршала сближение с Москвой имело не экзистенциальный, а инструментальный характер. Что же касается Сталина, то, признает К. Рак, его готовность ускорить нормализацию отношений с Польшей стимулировалась также нарастанием угрозы со стороны Японии, вторгшейся в сентябре 1931 г. в Маньчжурию. Но, в отличие от других польских исследователей, он не находит доказательств решающего значения этого фактора для поворота польской политики Сталина.

Показательно, что в этих своих размышлениях о повороте польской стороны к сближению с СССР К. Рак как-то «забыл» свое же утверждение, что прежде этому мешала приверженность советской стороны идее мировой революции. Он решил выйти из возникшей щекотливой ситуации, сославшись на утверждение анонимных японских стратегов, что «нынешняя внешняя политика СССР носит пассивный, обусловленный пониманием собственной слабости характер. Помочь этому могла ускоренная индустриализация, благодаря которой СССР приобрел бы сильную державную позицию, смог бы активизировать свою внешнюю политику и перейти к агрессивной (военной) реализации империалистических целей. Иначе говоря, Сталин нуждался в 10 годах спокойствия, в ходе которых СССР обрел бы экономическое, военное и политическое могущество. Это была главная причина его мирной политики 30-х годов» (с. 536)⁸. Но это объяснение ничего не проясняет. Как мог СССР создать способную конкурировать с Версальской региональную систему безопасности, чего опасался Пилсудский, не ведая активной внешней политики? А выход из этого противоречия прост. Для этого К. Раку достаточно было признать, что по крайней мере с 1923 г. СССР в своей официальной внешней политике ориентировался не на мировую революцию, а на обеспечение собственной безопасности, в том числе и налаживая конструктивное взаимодействие с соседями и великими державами. В противном случае внешнюю политику Польши в отношении СССР следует считать всего лишь драпировкой проводившейся на государственном уровне политики «прометеизма», целью которой было расчленение восточного соседа по национальным швам и свержение советского правительства⁹. Но ни советская, ни современная российская историография этого не делали и не делают. И еще ремарка относительно расхождений между НКВД и Политбюро. Правильнее говорить о различиях во мнениях, нежели о разногласиях между ними, тем более что советское дипломатическое ведомство в это время уже возглавлял М.М. Литвинов, которого трудно отнести к германофилам. К тому же НКВД был самостоятелен во внешнеполитической деятельности не более, чем польский МИД при Пилсудском. С момента своего учреждения НКВД работал под непосредственным руководством ЦК партии. Все важные решения принимались в Кремле, а не на Кузнецком Мосту.

Другая развиваемая К. Раком в третьей части гипотеза исходит из характерного для Пилсудского способа решать важные государственные вопросы с помощью негласных эмиссаров. Таким образом, например, он с помощью своего личного представителя капитана И. Бёрнера заключил почти полугодовое негласное перемирие с РСФСР в конце 1919 г.¹⁰ В 1927 г. его негласным эмиссаром на переговорах с немцами был социалист Х. Либрман (что не помешало

⁸ Правда, 60 страницами ниже К. Рак, характеризуя реакцию Сталина на попытку канцлера Ф. фон Папена сблизить Германию с Францией, опять вспомнит о мировой революции: «Сталин не мог смотреть на это безразлично, поскольку ось Берлин — Париж могла стать основой континентального блока, которая сделала бы невозможной экспансию Советов на Запад и затруднила бы планы мировой революции» (с. 597).

⁹ Подробнее о «прометеизме» см., например: *Матвеев Г.Ф.* Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 116—129; *Симонова Т.М.* «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919—1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47—63.

¹⁰ Советско-польские отношения в 1918—1945 гг. Сборник документов: в 4-х т. Т. 1. М., 2017. С. 38—49.

Пилсудскому в сентябре 1930 г. арестовать его вместе с другими деятелями легальной оппозиции и заключить в военной тюрьме в Брестской крепости). А в 1931 г. задание довести до сведения Сталина весть о его готовности подписать пакт, разговоры о котором вяло велись уже пять лет, якобы было поручено И. Матушевскому, входившему в близкое окружение маршала. Правда, прямых доказательств в пользу этой гипотезы у К. Рака нет, он строит ее на совпадении дат: Матушевский находился в Москве на рубеже июля—августа 1931 г., а в конце августа того же года Сталин принял решение о скорейшем завершении переговоров о пакте о ненападении с Польшей, которое Политбюро ЦК ВКП(б) формализовало своей директивой от 20 сентября. Приводит К. Рак и некоторые другие косвенные свидетельства. А в последующих разделах работы он подает свою гипотезу как бесспорный факт.

Сюжет о негласных эмиссарах Пилсудского и Сталина обретает плоть и кровь после введения в канву повествования фигуры К.Б. Радека, считавшегося в СССР ведущим экспертом по польским делам. В 1932 г. именно ему было поручено возглавить вновь созданное Бюро международной информации ЦК ВКП(б), параллельный НКВД орган анализа международной ситуации, но не ведения практической внешней политики. Польша была включена в перечень стран, интересовавших руководство СССР.

Назвав целью политики Пилсудского создание условий для балансирования Польши между Францией, Великобританией, Германией и СССР, К. Рак отдал предпочтение берлинскому и московскому векторам. И только в третьей части он вспомнил о французском направлении, процитировав слова Пилсудского в передаче польского дипломата А. Высоцкого: «Мы всегда готовы выполнить наши обязательства перед Францией, если возникнет такая потребность, и я считаю союз с ней одной из основ моей национальной политики. Он приобретает актуальность в случае агрессии Германии в отношении Франции или нас, но оставляет сторонам полную свободу действий» (с. 628). К сожалению, в работе нет подробного разбора этого высказывания маршала, дающего представление о видении им в 1933 г. политики балансирования на французском направлении. А ведь Пилсудский ясно дал понять, что отправляется в свободное плавание по бурным волнам европейской политики и союз с Францией нужен ему только на случай агрессии Германии. Что это, балансирование или отдаление от главного союзника? Ответа в монографии нет.

Конечно, виновата в происшедшем дрейфе Польши прежде всего Франция. Это она пыталась усилить свою слабеющую позицию в Европе сближением с Германией и Советским Союзом, которых Варшава считала своими врагами, и тем самым стимулировала поиск ею дополнительных гарантий безопасности. Но не был ли излишне самонадеян Пилсудский, полагая, что Польша, которую К. Рак не считает державой, сумеет «с помощью удачного дипломатического маневра» использовать «полную свободу действий» в интересах безопасности Польши и мира в Европе? Этот вопрос в монографии не поставлен, а он очень перспективен.

В третьей части много интересных, в том числе новых, сведений о подготовке и заключении польско-советского пакта о ненападении в 1932 г. и особенно о перспективах углубления двусторонних отношений в первой половине 1933 г. К. Рак даже задался вопросом, почему благоприятная атмосфера в отношениях, сложившаяся в конце 1932 г., не вылилась в союз этих стран? Особенно учитывая январскую 1933 г. победу на выборах в Германии национал-социалистов, таившую пока еще скрытую угрозу им обоим. Автор подробно анализирует предпринимавшиеся сторонами по официальным и неофициальным каналам действия сторон, которые могли бы завершиться их переходом от политики нейтралитета к взаимодействию на германском направлении. Советский Союз даже предложил Польше совместно гарантировать безопасность государств Прибалтики. Но окончательный вывод о том, чем завершились эти многообещающие контакты, предпочел сделать в последнем, четвертом разделе книги.

Впрочем, если вспомнить суждение К. Рака, что сутью внешней политики Варшавы Пилсудский сделал балансирование между Парижем, Лондоном, Берлином и Москвой с целью усиления позиции Польши в отношении каждой из этих четырех держав, то союз с восточным соседом вообще не принимался маршалом в расчет. В этом случае ему нужно было бы

отказаться от свободы действий во внешней политике, восстановить прежний уровень отношений с Францией против Германии. Поэтому демонстрация якобы имевшегося у него намерения продолжить сближение с СССР была не более чем дипломатическим блефом.

Рак это подтверждает в четвертой части монографии с названием «Гитлер», констатируя: «Пилсудский, благодаря блефу в игре как со Сталиным, так и Гитлером, получил очень выгодную позицию. Не только существенно улучшил отношения с обоими врагами, не только вбил клин между ними, но и довел до того, что с каждым из этих государств у Польши отношения были лучше, чем между ними» (с. 842). К стати сказать, заключительная часть труда наиболее проработана, в ней меньше гипотез, убедительнее источниковая база. Это легко объясняется тем, что в ее основе лежат результаты диссертации и монографии К. Рака, дополненные материалами по польско-советским и германо-советским отношениям.

В завершающей части К. Рак достаточно детально восстанавливает дипломатические перипетии трехсторонних отношений в 1933 – начале 1935 г., когда Пилсудский, как казалось, сумел реализовать свой план, целью которого было «превратить Польшу в субъект европейской политики» (с. 930). Имея в активе договор о ненападении с СССР и его готовность идти на дальнейшее сближение с Варшавой, маршал, воспользовавшись фактическим отказом Гитлера от следования курсом Рапалло, пошел на подписание польско-германской декларации о неприменении силы в двусторонних отношениях. Дождавшись момента, когда отношения Варшавы и с Москвой, и с Берлином стали лучше, чем отношения между Берлином и Москвой, Пилсудский, по мнению К. Рака, «в международных играх мог теперь использовать три возможности: французскую, советскую и немецкую» (с. 981).

Однако закономерен вопрос, а способствовал ли этот успех Пилсудского сохранению статус-кво в Европе как главного условия безопасности Польши? К. Рак признает, что в первой половине 1930-х годов Польша влияла на баланс сил в Европе, но в силу не ловкости маршала, а благоприятствовавшей этому конstellации великих держав. Этот свой вывод он обобщил так: «Пилсудский не мог бы маневрировать без Сталина и Гитлера» (с. 981).

Но такую политику можно было вести лишь до тех пор, пока континентальные державы не сориентировались, что их расчет превратить Польшу в своего сателлита и намерения Пилсудского диаметрально противоположны. И вот тут К. Рак делает важное признание, которое порождает сомнение в самом существовании политики балансирования. Он пишет: «Сталин первым понял, что его попытки подчинить себе Польшу не имеют шансов на успех, и после визита Бека в Москву [в феврале 1934 г.] приказал Литвинову постепенно сворачивать политический диалог с Варшавой. Это решение вождя де-факто лишило Польшу свободы маневра и покончило с политикой балансирования» (с. 982). Эта констатация превращает высказанное выше сомнение в уверенность, что если она и была, то кратковременной. Ведь в период между заключением советско-польского пакта о ненападении в 1932 г. и подписанием польско-германской декларации о неприменении силы в 1934 г. формально и фактически Варшава вела не политику балансирования, а обычную дипломатическую игру, если только не считать, что она балансировала между Парижем и Москвой, но это другое балансирование. Если эта политика и имела место, то только в промежутке между подписанием январской 1934 г. декларации с Германией и посещением Беком Москвы, т.е. меньше месяца. В пользу этого нашего вывода говорит и констатация К. Раком факта, что после февраля 1934 г. у Польши осталась только одна возможность влиять на дела Европы – вступить в фактический союз с Германией, и что Бек шел по этому пути до октября 1938 г., когда Гитлер предложил ему союз против СССР. И только в этот момент Бек, понимавший, как и вся польская элита, суверенитет как полную независимость от других субъектов международной сцены, сменил направление своей политики.

С этим общим выводом трудно не согласиться, но без ответа остался вопрос, а как балансирование Пилсудского влияло на Версальскую систему и европейскую безопасность в целом? Ведь именно в этом Рак видел основную задачу польской дипломатии.

Таким образом, К. Рак не формально, но фактически признает, что вряд ли следует считать вкладом Польши в укрепление европейского статус-кво ее отказ от вступления в

антигерманский союз. Ведь сближение Польши с СССР не противоречило интересам Франции, которая и при Пилсудском оставалась ее главным союзником. Это очень нетрадиционный для современной польской историографии вывод, пусть и косвенный.

К. Рак, несомненно, серьезный и нестандартно мыслящий исследователь. Своей монографией он не только вносит вклад в изучение истории европейских международных отношений, особенно в треугольнике Варшава – Берлин – Москва, но и ставит перед исследователями новые вопросы, ответы на которые еще больше приблизят нас к пониманию всех причин кратковременности существования Версальского миропорядка. Назовем лишь некоторые из них:

1. Остается открытым вопрос о времени появления у Пилсудского плана превращения Польши в субъект европейской политики путем балансирования между европейскими полюсами силы. Если план сложился в течение полугодия или чуть большего времени после государственного переворота 1926 г., то Пилсудский – гений предвидения, о чем так любят писать и говорить в Польше. Если же в 1931 г., то тогда мы имеем дело с удачным тактическим, но не стратегическим ходом Пилсудского, и только на советском направлении. На германском направлении с 1927 по 1933 г. не было даже намека на сближение позиций.

2. Существовала ли реально политика балансирования Польши между СССР и Германией, учитывая выход из нее СССР в феврале 1934 г.? Может, мы имеем дело всего лишь с пропагандистским прикрытием провалившегося проекта.

3. Как быть с утверждением, что с 1934 г. Пилсудский в международных играх мог использовать три возможности: французскую, советскую и немецкую, если согласиться, что Сталин в феврале 1934 г. перестал доверять Пилсудскому? В этом случае остаются только французская и немецкая возможности, и тогда Гитлер в январе 1935 г. не случайно предложил Пилсудскому военный союз против СССР. Ведь у Польши военный союз с Францией уже был.

4. Как выглядело балансирование в отношениях с Великобританией, главной в межвоенной Европе державой? Во второй части работы Рак назвал ее в качестве одного из векторов польской политики балансирования, а в заключение почему-то даже не вспомнил, перечислив лишь французское, советское и германское направления (с. 982).

И последняя ремарка. Не все у К. Рака получилось одинаково убедительно, особенно в тех случаях, когда предметный анализ он подменяет заимствованиями из литературы. Но, как известно, идеальных трудов не бывает.

Библиография

Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М., 2019.

Матвеев Г.Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 116–129.

Матвеев Г.Ф. Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Многоликий и беспокойный славянский мир: научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисенка. М., 2018. С. 425–443.

Матвеев Г.Ф. «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Труды исторического факультета МГУ. Сер. II. Исторические исследования. Т. 1. Вып. 108 (60). М., 2019. С. 414–428.

Матвеева Е.Ю., Матвеев Г.Ф. Советский Союз и подготовка Локарнских соглашений 1925 года (по материалам советских официозов «Известия» и «Правда») // Polska i Niemcy. Od odzyskania niepodległości do Rapallo i Lokarno 1918/1922–1926/1934. Warszawa, 2020. S. 51–70.

Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016.

Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов: в 4-х т. Т. 1. М., 2017.

Matwiejew G.F. Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. T. XIII. Warszawa, 1976. S. 133–135.

Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019.

Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021.

References

Korotkova D.A. Belorusskie zemli v sovetsko-pol'skikh otnosheniakh. Razmennaiia karta v protivostoianii dvukh derzhav. 1918–1921 [Belorussian Territories in the Soviet-Polish Relations. The Change Cart in the Conflict between Two Powers. 1918–1921]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Matwiejew G.F. Mesto mirovoi revoliutsii vo vneshnei politike RSFSR b 1919–1920 godakh [The Role of the World Revolution in the Foreign Policy of the RSFSR in 1919–1920] // *Mnogolikii slavianskii mir: nauchnyi sbornik v chest' 50-letiiia Yuriiia Arkadieвича Borisionka* [Collection of scientific articles the 50s anniversary of Yurii Arkadieovich Borisionok. The Many-Sided and Restless Slavic World: Collection of Scientific Articles]. Moskva, 2018. S. 425–443. (In Russ.)

Matwiejew G.F. Rossiisko-ukrainskii konflikt v planakh pol'skoi diplomatii i voiennykh krugov v mezhoiennii period [Russian-Ukrainian conflict in the plans of Polish diplomacy and military circles in the interwar period] // *Rossiiia – Ulkraina: istoriia vzaimootnoshenii* [Russia – Ukraine: history of relations]. Moskva, 1997. S. 116–129. (In Russ.)

Matwiejew G.F. Sovietizatsia Pol'shi vo vneshnei politike RSFSR v 1919–1920 godakh [“Sovietization of Poland” in the foreign policy of the RSFSR in 1919–1920] // *Stoletiie Revoliutsii 1917 goda v Rossii. Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU (108). Ser. II. Istoricheskie issledovaniia (60)* [Centenary of the Revolution of 1917 in Russia. Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University (108). Ser. II. Historical studies (60)]. T. I. Vyp. 108 (60). Moskva, 2019. S. 414–418. (In Russ.)

Matwiejew G.F., Matweeva E.Yu. Sovetskii Soiuz i podgotovka [The Soviet Union and the preparation of the Locarno agreements of 1925 (based on the materials of the Soviet officialdoms *Izvestia* and *Pravda*)] // *Polska i Niemcy. Od odzyskania niepodległosci do Rapallo i Lokarno 1918/1922–1926/1934*. Warszawa, 2020. S. 51–70. (In Russ.)

Pavlova M.S. Litva v politike War Warszawy i Moskvy v 1918–1926 godakh [Lithuania in the politics of Warsaw and Moscow in 1918–1926]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Simonova T.M. “Prometeizm” vo vneshnei politike Pol'shi. 1919–1924 gg. [“Prometheism” in Poland's foreign policy. 1919–1924] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and contemporary history]. 2002. № 4. S. 47–63. (In Russ.)

Sovetsko-pol'skie otnosheniia v 1918–1945 gg. Sbornik dokumentov: v 4-kh t. [Soviet-Polish relations in 1918–1945. Collection of documents: in 4 vols]. T. I. M., 2017. (In Russ.)

Matwiejew G.F. Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej // *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały*. T. XIII. Warszawa, 1976. S. 133–135.

Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019.

Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021.